Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ о лже-халифе

Рассказывают также, что халиф Харун ар-Рашид почувствовал в одну ночь из ночей сильное беспокойство и позвал своего везиря Джафара Бармакида и сказал ему: "Моя грудь стеснилась, и я хочу сегодня ночью прогуляться по улицам Багдада и посмотреть на дела рабов Аллаха, с условием, что мы перерядимся в одежду купцов, чтобы не узнал нас никто из людей. И везирь отвечал ему: "Слушаю и повинуюсь!" И они поднялись в тот же час и минуту и, сняв бывшую на них роскошную одежду, надели одежду купцов, а было их трое: халиф, Джафар и Масрур, меченосец.

И они ходили с места на место, пока не достигли Тигра. И увидели они старика, сидевшего в челноке, и подошли и приветствовали его и сказали: "О старец, мы хотим от твоей милости и доброты, чтобы ты покатал нас в твоей лодке. Возьми в уплату этот динар..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят шестая ночь

Когда же настала двести восемьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что они сказали старцу: "Мы хотим, чтобы ты покатал нас в твоей лодке. Возьми в уплату этот динар". И старец ответил: "Кто это может кататься, когда халиф ар-Рашид выезжает каждый вечер на реку Тигр на маленьком судне, и с ним глашатай, который кричит: "О собравшиеся люди, все поголовно - большие и малые, избранные и простые, дети и юноши, - всякому, кто выедет на лодке и поедет по Тигру, я отрублю голову или повешу на мачте!" И, кажется, вы его сейчас увидите, его судно приближается".

И халиф с Джафаром сказали: "О старец, возьми эти два динара и сведи нас в беседку из этих беседок на то время, пока не проедет лодка халифа!" И старец отвечал: "Давайте золото и положитесь на Аллаха великого".

И он взял золото и проплыл с ними немного, как вдруг приблизилась с середины Тигра лодка, и свечи и факелы в ней сияли. "Не говорил ли я вам, что халиф проезжает Здесь каждый вечер? - сказал старец и начал восклицать: - О покровитель, не снимай покровов!" И он ввел этих троих в беседку и накинул на них черный плащ, и они стали смотреть из-под плаща и увидали на носу лодки человека, у которого в руках был факел из червонного золота, и он жег на нем какуллийское алоэ. И на этом человеке был плащ из красного атласа, и на плече желтые вышивки, а на голове у него был мосульский тюрбан и на другом плече - мешок из зеленого шелка, полный какуллийского алоэ, которым он разжигал факел вместо дерева. А на корме лодки халиф увидел другого человека, одетого, как тот, и в руках у него был факел, как у того человека. И они увидели в лодке двести невольников, которые стояли справа и слева, и увидели поставленный там престол из червонного золота и прекрасного юношу, который сидел на нем, подобный месяцу, и одет он был в черную одежду с вышивками из желтого золота. И подле него был человек, подобный везирю Джафару, а рядом с ним стоял евнух, похожий на Масрура, и в руках у него был обнаженный меч. И еще халиф увидел двадцать сотрапезников.

И, увидя все это, халиф сказал: "Джафар!" И Джафар ответил: "Я здесь, о повелитель правоверных!" - "Может быть, это один из моих сыновей аль-Мамун или аль-Амин?" - сказал халиф. И затем он стал всматриваться в юношу, сидевшего на престоле, и увидел, что он совершенен по красоте, прелести, стройности и соразмерности. И, вглядевшись в него, халиф обернулся к везирю и сказал: "О везирь!" И везирь ответил: "Я здесь!" А халиф молвил: "Клянусь Аллахом, этот, что сидит, не забыл ничего в облике халифа, и тот, кто перед ним, подобен тебе, о Джафар, и евнух, что стоит с ним рядом, похож на Масрура, а эти сотрапезники - точно мои сотрапезники, и мой разум смущен этим делом..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят седьмая ночь

Когда же настала двести восемьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф, увидав такое дело, смутился умом и воскликнул: "Клянусь Аллахом, я удивляюсь этому делу, о Джафар!"

И Джафар ответил: "И я, клянусь Аллахом, о повелитель правоверных!"

И затем челнок уехал и скрылся из глаз, и тогда старец выехал на своем челноке и воскликнул: "Слава Аллаху За благополучие, раз никто нас не встретил!" И халиф спросил его: "О старец, а халиф каждый вечер выезжает на Тигр?" - "Да, о господин, и он так делает уже целый год", - ответил старец. "О старец, - сказал халиф, - мы хотим от твоей милости, чтобы ты постоял здесь для нас в следующую ночь, и мы дадим тебе пять динаров золотом. Мы чужеземцы и ищем развлечения, а живем мы в аль-Халдаке" [319]. "С любовью и охотой!" - молвил старец. И потом халиф, Джафар и Масрур ушли от старца во дворец и сняли бывшие на них одежды купцов и надели царственное одеяние, и каждый из них сел на свое место, и стали входить эмиры, везири, царедворцы и наместники, и зал наполнился народом.

А когда окончился день, и разошлись люди разных сословий, и каждый ушел своей дорогой, халиф Харун альРашид сказал: "О Джафар, пойдем посмотреть на второго халифа". И Джафар с Масруром засмеялись и надели одежду купцов и вышли и пошли, крайне веселые, а вышли они через потайную дверь. И, достигнув Тигра, они увидели, что тот старик, владелец челнока, сидит и ожидает их. И они сошли к нему в лодку, и не успели они прождать с ним и часа, как подъехала лодка второго халифа и приблизилась к ним. И они обернулись, и стали внимательно рассматривать лодку, и увидели в ней двести невольников, кроме прежних, и факелоносцы кричали, как всегда. "О везирь, - оказал халиф, - это такая вещь, что если бы я услышал об этом, я бы не поверил, но я увидал это воочию!"

И потом халиф сказал владельцу того челнока, в котором они сидели: "Возьми, о старец, эти десять динаров и поезжай рядом с ними. Они освещены, а мы в тени, и мы их увидим и посмотрим на них, а они нас не увидят".

И старец взял десять динаров, и поплыл в своем челноке рядом с ними, и оказался под тенью их лодки..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят восьмая ночь

Когда же настала двести восемьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф Харун ар-Рашид сказал старцу: "Возьми эти десять динаров и поезжай рядом с ними". И старец отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

А затем он взял динары и поехал, и они ехали в тени до садов. А достигнув садов, они увидели огороженную поляну, и лодка пристала у этой поляны. И вдруг оказалось: там стоят слуги и с ними мул, оседланный и взнузданный. И второй халиф вышел и сел на мула и поехал среди своих сотрапезников. И факелоносцы закричали, и слуги занялись делами второго халифа, а Харун ар Рашид с Джафаром и Масруром вышли на сушу и прошли среди невольпиков и пошли впереди них. И факелоносцы бросили взгляд и увидали троих людей, одетых в одежды купцов и пришедших из чужих земель, и заподозрили их и мигнули на них, и их привели ко второму халифу. И, увидев их, тот спросил: "Как вы достигли этого места и что привело вас в такое время?" И они ответили: "О владыка, мы - люди из купцов и чужеземцы, и прибыли сегодняшний день, и вышли вечером пройтись, и вдруг вы подъехали, и пришли эти люди и схватили нас и поставили перед тобой, и вот наша история". - "С вами не будет беды, так как вы - чужеземцы, а если бы вы были из Багдада, я бы отрубил вам головы, - молвил второй халиф. И затем он обратился к своему везирю и сказал ему: - Возьми этих людей с собою: они наши гости

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
сегодня вечером". – "Слушаю и повинуюсь, о владыка наш!" – сказал везирь. И затем он пошел с ними, и они достигли высокого, великолепного замка, крепко построенного, каким не обладал султан: он вздымался из праха и цеплялся за крылья облаков, и ворота его были из текового дерева [320], украшенного рдеющим золотом. И входящий проникал через них в зал с водоемом и фонтаном, и были там ковры и подушки и парчовые циновки и длинные матрасы. И там были опущенные занавески и подстилки, ошеломляющие ум и ослабляющие тех, кто говорит, и на двери были написаны такие два стиха:

Вот дворец стоит, с ним да будет мир и радость!

Наградили дни красотой его своею.

В нем и редкости и диковины всевозможные,

И не знают, как описать его, каламы.

И второй халиф вошел, и с ним его люди, я сел на престол из золота, украшенный драгоценными камнями (а на престоле был молитвенный коврик из желтого шелка), и сели его сотрапезники, а меченосец мести встал перед ним. И накрыли стол, и поели, и убрали посуду, и вымыли руки, и подали приборы для вина, и выстроились кувшины и чаши, и пошли вкруговую, и достигли халифа Харуна ар-Рашида, но тот отказался пить.

И второй халиф спросил Джафара: "Что это твой товарищ не пьет?" И Джафар ответил: "О владыка, он уже давно не пил этого". – "У меня есть другое питье, подходящее для твоего товарища, – это яблочный напиток", сказал второй халиф, и затем он велел принести его, и его тотчас же принесли, и второй халиф подошел к Харуну ар-Рашиду и сказал ему: "Всякий раз, как очередь дойдет до тебя, пей это питье".

И они не переставая веселились и пили вино, пока напиток не овладел их головами и не взял власть над их разумом..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят девятая ночь

Когда же настала двести восемьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что второй халиф и те, кто сидел с ним, не переставая пили, пока напиток не овладел их головами и не взял власть над их разумом. И халиф Харун ар-Рашид сказал своему везирю: "О Джафар, клянусь Аллахом, нет у нас сосуда, подобного этим сосудам! О, если бы я знал, каково дело этого юноши!"

И когда они потихоньку разговаривали, юноша вдруг бросил взгляд и увидел, что везирь шепчется с халифом, и сказал ему: "Говорить шепотом грубость". – "Тут пет грубости, – отвечал Джафар, – но только мой товарищ говорит мне: "Я путешествовал по многим землям, и разделял трапезу с величайшими царями, и дружил с военными, и не видел я трапезы лучше этой и ночи прекраснее этой, но только жители Багдада говорят: "Питье без музыки нередко причиняет головную боль".

И, услышав эти слова, второй халиф улыбнулся и развеселился. А у него в руках была тростинка, и он ударил ею по круглей подушке, и вдруг распахнулась дверь, и из нее вышел евнух, который нес скамеечку из слоновой кости, украшенную рдеющим золотом. А сзади него шла девушка редкая по красоте, прелести, блеску и совершенству. И евнух поставил скамеечку, и девушка села на нее, подобная восходящему солнцу на чистом небе, и в руке у нее была лютня, изделие мастеров индийцев. И она положила ее на колени и склонилась над нею, как склоняется мать над ребенком, и запела под нее, сначала заиграв и пройдясь на двадцать четыре лада, так что ошеломила умы. И потом она вернулась к первому ладу и, затянув напев, произнесла такие стихи:

"И в сердце моем язык любви говорит тебе,

Вещает он про меня, что я влюблена в тебя,

Свидетели есть со мной-то дух мой измученный,

И веки горящие, и слезы бегущие.

И раньше любви к тебе не ведала я любви,

Но скор ведь Аллаха суд над всеми созданьями".

И когда второй халиф услыхал от невольницы это стихотворение, он закричал великим криком и разодрал на себе одежду до подола. И перед ним опустили занавеску и принесли ему другую одежду, лучше той, и он надел ее и сел как раньше. И когда кубок дошел до него, он ударил тростинкой по подушке, и вдруг распахнулась дверь и вышел из нее евнух, который нес золотую скамеечку, и за ним шла девушка, лучше первой девушки. И она села на скамеечку, а в руках у нее была лютня, огорчающая сердце завистника. И пропела она под лютню такие два стиха:

"О, "как же мне вытерпеть, коль пламя тоски в душе,

И слезы из глаз моих – потоп, что течет всегда!

Аллахом клянусь, уж нет приятности в жизни мне,

И как же быть радостной душе, где тоска царит?"

И когда юноша услышал это стихотворение, он закричал великим криком и разодрал на себе одежду до подола, и перед ним опустили занавеску и принесли ему другую одежду, и он надел ее, и сел прямо, и вернулся к прежнему состоянию и стал весело разговаривать. Когда же до него дошел кубок, он ударил по подушке тростинкой, и вышел евнух, сзади которого шла девушка лучше той, что была прежде нее, и у евнуха была скамеечка. И девушка села на скамеечку, держа в руках лютню, и пропела такие стихи:

"Сократите разлуку вы и суровость,

Клянусь вами, что сердце вас не забудет!

Пожалейте печального и худого,

Страстно любит, в любви ума он лишился,

Изнурен он болезнями, страстью крайней,

И от бога желает он вашей ласки.

О те луны, кому в душе моей место,

Как избрать мне других, не вас, среди тварей?"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И когда юноша услышал эти стихи, он закричал великим криком и разорвал на себе одежду, и перед ним опустили занавеску, и принесли ему другую одежду, и юноша вернулся к прежнему состоянию и продолжал сидеть с сотрапезниками. И кубки пошли вкруговую, и когда кубок дошел до юноши, тот ударил по подушке, и дверь отворилась, и вышел евнух со скамеечкой, сзади которого шла девушка, и он поставил ей скамеечку, и девушка села и, взяв лютню, настроила ее и пропела под нее такие стихи:

"Когда уйдет разлука эта и ненависть?

И когда вернется прошедшее опять ко мне?

Ведь вчера еще одно жилище скрывало нас

С нашей радостью, и небрежны были завистники"

Обманул нас рок, и разрушил он единение,

И жилище наше в пустыню он превратил сперва.

Ты желаешь ли, чтоб забыла я, о хулитель, их,

Но я вижу, сердце не хочет слушать хулителей.

Прекрати упреки, оставь меня с моей страстию

Ведь не будет сердце свободным снова от дружбы к ним.

Господа, обет вы нарушили, изменили вы,

Но не думайте, что утешится после вас душа".

И когда второй халиф услышал то, что произнесла девушка, он закричал великим криком и разодрал то, что на нем было..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяностая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот девяноста, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда второй халиф услышал стихотворение девушки, он закричал великим криком и разодрал на себе одежды и упал без памяти. И перед ним хотели опустить занавеску, как обычно, но веревки застряли, и Харун ар-Рашид бросил взгляд на юношу и увидел у него на теле следы ударов плетьми. И ар-Рашид сказал, посмотрев и уверившись: "О Джафар, клянусь Аллахом, это красивый юноша, но только он скверный вор!"

И Джафар спросил его: "Откуда ты узнал это, о повелитель правоверных?" И халиф молвил: "Разве не видел ты, какие у него на боках следы от бичей?" [321]

А потом перед юношей опустили занавеску и принесли ему одежду - не ту, что была на нем, - и он надел ее и сел прямо, и сидел, как прежде, с сотрапезниками. И он бросил взгляд и увидел, что халиф и Джафар тихонько разговаривают, и спросил их: "О чем речь, молодцы?" И Джафар молвил: "О владыка, все хорошо, но только от тебя не скрыто, что этот мой товарищ из купцов, и он путешествовал по всем областям и землям и вел дружбу с вельможами и лучшими людьми, и он говорит мне: "Поистине, то, что проявил наш владыка халиф этой ночью, - великая расточительность, и я не видел во всех странах никого, кто бы совершил дела, подобные его делам: он ведь разорвал столько-то и столько-то одежд, каждая одежда в тысячу динаров, и это чрезмерная расточительность". - "Эй ты, - сказал второй халиф, - деньги - мои деньги и материя - моя материя, и это - часть моей милости слугам и челяди. Каждая одежда, которую я разорвал, достанется кому-нибудь из сотрапезников, присутствующих здесь, и я назначил им, вместе со всякой одеждой, по пятьсот динаров".

И везирь Джафар сказал: "Прекрасно то, что ты сделал, о владыка!"

И затем он произнес такие два стиха:

"На руке твоей дом построили все достоинства,

И дозволил людям твои ты тратить деньги.

И когда ворота достоинств всех будут заперты,

Рука твоя для замков ключом послужит".

Услышав эти стихи от везиря Джафара, юноша велел дать ему тысячу динаров и одежду, а затем кубки пошли между ними вкруговую, и вино было им приятно. И ар-Рашид сказал: "О Джафар, спроси его про удары, следы от которых у него на боках; посмотрим, что он тебе скажет в ответ". - "Не торопись, о владыка, и побереги себя; терпеть лучше", - молвил Джафар. Но халиф воскликнул: "Клянусь моей головой и могилой аль-Аббаса, если ты его не спросишь, я потушу твое дыхание!"

И тут юноша обернулся к везирю и спросил его: "Что это вы с товарищем разговариваете потихоньку? Расскажи мне о вашем деле! - "Все хорошо", ответил Джафар. Но юноша воскликнул: "Прошу тебя, ради Аллаха, расскажите мне вашу историю и не скрывайте от меня ничего!" И тогда Джафар сказал: "О владыка, он увидал у тебя на боках удары и следы бичей и плетей и удивился этому до крайних пределов и сказал: "Как это можно бить халифа!" И он хочет узнать, в чем причина этого".

И, услышав это, юноша улыбнулся и сказал: "Знайте, моя история удивительна и дело мое диковинно; будь оно написано иглами в уголках глаз, оно послужило бы назиданием для поучающихся".

И затем он стал испускать вздохи и произнес такие стихи:

"Рассказ мой чудесен, все он дивное превзошел,

Любовью клянусь, тесны мне стали все выходы!

Хотите вы выслушать меня, так послушайте,

И пусть вое собрание повсюду безмолвствует,

Внимайте словам моим, ведь в них указание

Поистине, речь моя правдива - не ложь она!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Повержен я страстию и сильной влюбленностью,

И лучите сразившая меня полногрудых всех.

Ее насурмленный глаз подобен индийскому

Клинку, и разит она из лука бровей стрелой.

И сердцем почуял я, что здесь наш имам средь вас,

Халиф сего времени, потомок прекраснейших.

Второй же из вас, кого зовете вы Джафаром,

Везирь у халифа он, владыка, владыки сын.

А третий из вас - Масрур, палач воздаяния,

И если май слова не ложны, а истинны,

Добился, чего хотел во всем этом деле я,

И радость со всех сторон мае в сердце пришла теперь".

И, услышав от юноши эти слова, Джафар поклялся ему, употребив двусмысленную клятву, что они - не те, кого он упомянул, а юноша засмеялся и сказал: "Знайте, о господа мои, что я не повелитель правоверных, и я назвал себя этим именем только для того, чтобы достичь того, чего я желаю от жителей этого города. Имя мое - Мухаммед Али, сын Али, ювелир. И мой отец был из числа Знатных, и он умер и оставил мне большое имущество: золото, серебро, жемчуг, кораллы, и яхонты, и топазы, и другие камни, и поместья, и бани, и рощи, и сады, и лавки, и печи, и рабов, и невольниц, и слуг. И случилось, что в какой-то день я сидел в своей лавке, окруженный слугами и челядью, и вдруг подъехала девушка верхом на муле, и прислуживали ей три невольницы, подобные лунам. И, приблизившись ко мне, она спешилась подле моей лавки и села подле меня и спросила: "Ты ли Мухаммед, ювелир?" И я ответил: "Да, это я, твой раб и невольник". А она спросила: "Есть ли у тебя ожерелья из драгоценных камней, подходящие для меня?" - "О госпожа, - отвечал я, - я тебе покажу и принесу тебе то, что у меня есть, и если тебе что-нибудь понравится, это будет счастьем для твоего раба, а если не понравится, то злой моею долей".

А у меня было сто ожерелий из дорогих камней, и я показал ей их все, но ни одно ей не понравилось, и она сказала: "Я хочу чего-нибудь лучше, чем то, что я видела".

А у меня было маленькое ожерелье, которое мой отец купил за сто тысяч динаров, и не найти подобного ему ни у кого из великих султанов; и я сказал девушке: "О госпожа, у меня осталось ожерелье из камней и драгоценностей, равным которому не владел никто из великих и малых". - "Покажи мне его, - сказала девушка, и, увидав ожерелье, она воскликнула: Вот то, что я ищу, и этого мне всю жизнь хотелось! Сколько оно стоит?" И я сказал: "Моему отцу оно стоило сто тысяч динаров". И девушка молвила: "Тебе будет пять тысяч динаров прибыли". - "О госпожа, ожерелье и его обладатель перед тобою, и нет у меня возражения!" - сказал я, и девушка молвила: "Прибыль обязательна, и это великая от тебя милость!"

А потом она тотчас же поднялась и поспешно села на мула и сказала мне: "О, господин, во имя Аллаха, пожалуй вместе с нами, чтобы взять деньги; твой сегодняшний день для нас подобен молоку!" [322] И я поднялся и запер лавку и отправился с ней, хранимый Аллахом, и мы шли, пока не достигли ее дома, и я увидел, что это дом, на котором ясны следы счастья. И ворота его были украшены золотом, серебром и лазурью, и на них были написаны такие два стиха:

О дом, пускай печаль в тебя не входит,

Господ твоих пусть время не обманет!

Прекрасен, дом, для всякого ты гостя,

Когда для гостя всюду стало тесно.

И девушка спешилась и вошла в дом, а мне велела посидеть на скамье у ворот, пока не придет меняла. И я просидел немного у ворот дома, и вдруг вышла ко мне невольница и сказала: "Господин, войди в сени: скверно, что ты сидишь у ворот". И я поднялся и вошел в сени и сел на скамеечку. И когда я сидел, вдруг вышла ко мне невольница и сказала: "О господин, моя госпожа говорит тебе: "Войди и посиди у дверей в зал, пока не получишь свои деньги". И я поднялся и вошел в комнату и просидел одно мгновенье, и вдруг увидел золотую скамеечку, перед которой была опущена шелковая занавеска. И эту занавеску вдруг подняли, и из-за нее появилась та девушка, что купила у меня ожерелье, и она открыла лицо, подобное кругу луны, а ожерелье было у нее на шее. И ум мой был восхищен, и сердце мое смутилось при виде этой девушки из-за ее чрезмерной красоты и прелести; и, увидав меня, девушка поднялась со скамеечки и побежала ко мне и воскликнула: "О свет моего глаза, всякий ли, кто красив, как ты, не сжалится над своей любимой?" - "О госпожа, - отвечал я, - красота вся в тебе, и она - одно из твоих свойств". А девушка молвила: "О ювелир, Знай, что я тебя люблю, и мне не верилось, что я тебя приведу к себе!" И затем она склонилась ко мне, и я поцеловал ее, и она меня поцеловала и притянула меня к себе и кинула меня к себе на грудь..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяносто первая ночь

Когда же настала двести девяносто первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир говорил: "И затем она склонилась ко мне и поцеловала меня и притянула меня к себе и кинула меня к себе на грудь. И она поняла, по моему состоянию, что я хочу сближения с нею, и сказала: "О господин, желаешь ли ты соединиться со мной запретно? Клянусь Аллахом, пусть не будет того, кто совершит подобные прегрешения и удовлетворится дурными словами! Я - девушка невинная, и не приближался ко мне никто, и я небезызвестна в городе. Знаешь ли ты, кто я?" - "Нет, клянусь Аллахом, о госпожа!" - ответил я, и она сказала: "Я Ситт-Дунья, дочь Яхьи ибн Халида, Бармакида [323], и брат мой - Джафар, везирь халифа".

И когда я услышал это, мое сердце отпрянуло от нее, и я воскликнул: "О госпожа, я не виноват, что напал на тебя: ты сама разохотила меня к сближению, приведя меня к себе!" - "С тобой не будет беды, - сказала девушка, - и ты непременно достигнешь желаемого так, как будет угодно Аллаху. Власть надо мной в моих руках, и кади заключит за меня брачный договор. Я хочу быть тебе женой и чтобы ты был мне мужем".

И потом она позвала кади и свидетелей и не пожалела стараний, и когда эти люди явились, сказала им: "Мухаммед Али, сын Али, ювелир, пожелал на мне жениться и дал мне это ожерелье в приданое, а я приняла его и согласилась". И они написали мой договор с девушкой, и я вошел к ней, и она велела принести приборы для вида, и кубки пустили вкруговую в наилучшем порядке и с совершеннейшим уменьем, и когда вино засверкало у нас в головах, девушка велела невольнице-лютнистке петь, и та взяла лютню и, заведя напев, произнесла такие

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
стихи:

"Явился и показал луну и газель и ветвь,

Погибнет же пусть душа, в него не влюбленная!

Красавец! Хотел Аллах волнение погасить

Ланит его, началось другое волнение.

Я спорю с хулящими, когда говорят они

О нем, словно не люблю о нем поминания.

И слушаю о другом, когда говорят со мной

Прилежно, хоть таю сам, о том первом думая,

Пророк красоты! Все в нем - диковина прелести,

Но только лицо его - вот чудо великое,

Биляль его родинки [324] на блюде щеки его

Стоит и из жемчуга чела его ждет зари.

Хулитель, по глупости, желает, чтобы я забыл

Его, но я веровал, не буду неверным я".

И девушка пришла в восторг от исполненных невольницей песен на лютне и нежных стихов. И невольницы продолжали петь одна за другой и говорили стихи, пока не спели десять невольниц, и после того Ситт-Дунья взяла лютню и, затянув напев, произнесла такие стихи:

"Клянусь нежностью я боков твоих столь гибких,

От огня страдаю разлуки я с тобою,

Пожалей же сердце, горящее любви пламенем,

О месяц полный в мраке предрассветном!

Подари сближенье с тобою мне, - постоянно я

Красоту твою при сиянье кубка вижу.

Как будто розы цвета всевозможного

Своей прелестью между белых мирт блистают".

А когда она окончила стихи, я взял у нее лютню и, ударив по ней на диковинный лад, пропел такие стихи:

"Прееславен господь, что дал тебе все красоты,

И сделался я одним из тех, кто твой пленник,

О ты, чей пленяет взор весь род человеческий

Пощады для вас проси у стрел, что ты мечешь.

Две крайности - огонь и влага в рдеющем пламени

Сошлись на щеке твоей по дивной природе.

Ты - пламя в душе моей, и счастье ты для нее"

О, как ты горька в душе и как ты сладка в ней?"

И, услышав от меня эту песню, девушка обрадовалась сильной радостью, а затем она отпустила невольниц, и мы пошли в наилучшее место, где нам постлали постель всевозможных цветов, И девушка сняла бывшие на ней одежды, и я уединился с нею уединеньем любимых, и увидел я, что она жемчужина несверленая и кобылица необъезженная, и обрадовался ей, и я в жизни не видел ночи приятнее, чем эта ночь..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяносто вторая ночь

Когда же настала двести девяносто вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Мухаммед ибн Али, ювелир, говорил: "И когда я вошел к Ситт-Дунья, дочери Яхьи ибя Халида Бармакнда, я увидел, что она жемчужина несверленая и кобылица необъезженная, и произнес такие два стиха:

"Я обнял ее, как кольцо голубки [325], рукой своей,

Только кисть была, чтобы покров поднять, свободна.

Поистине, вот успех великий! Все время мы

Обнимались с ней и расстаться не хотели".

И я пробыл с нею целый месяц и оставил лавку и близких и родные места, и в один день из дней она сказала мне: "О свет моего глаза, о Сиди Мухаммед, я решила сегодня пойти в баню. Оставайся же на этом ложе и не сходи с места, пока я не вернусь к тебе".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И она заставила меня поклясться в этом, и я сказал ей: "Слушаю и повинуюсь!" А затем она взяла с меня клятву, что я не двинусь с места, и, захватив своих девушек, ушла в баню, и, клянусь Аллахом, о братья, не успела она еще дойти до конца переулка, как дверь вдруг отворилась и в нее вошла старуха и сказала: "О Сиди Мухаммед, Ситт-Зубейда зовет тебя: она прослышала, как ты образован, остроумен и искусен в пении". - "Клянусь Аллахом, я не встану с места, пока не придет Ситт-Дунья!" - ответил я. И старуха сказала: "О господин мой, не допусти, чтобы Ситт-Зубейда разгневалась на тебя и стала твоим врагом! Поднимись же, поговори с ней и возвращайся на твое место".

И я тотчас же поднялся и пошел, и старуха шла впереди меня, пока не привела меня к Ситт-Зубейде, а когда я пришел к ней, она сказала: "О свет глаза, ты возлюбленный Ситт-Дунья?" - "Я твой невольник и раб!" ответил я. И Ситт-Зубейда воскликнула: "Правду сказал тот, кто приписал тебе красоту, прелесть, образованность и совершенство! Ты выше описаний и слов! Но спой мне, чтобы я тебя услыхала". - "Слушаю и повинуюсь!" ответил я. И она принесла мне лютню, и я пропел под нее такие стихи:

"Ведь сердце влюбленного бранят за любимых,

И тело ограблено рукою недуга.

И всякий среди едущих, чьи кони уж взнузданы,

Влюблен, и возлюбленный его в караване.

Аллаху я поручил луну в вашем таборе

Я сердцем люблю ее, от глаз она скрыта.

Довольна иль сердится, как сладок каприз ее!

Ведь все, что ни делает любимый, - любимо".

И, когда я кончил петь, она воскликнула: "Да сделает Аллах здоровым твое тело и душистым твое дыхание! Ты достиг совершенства в красоте, образованности и пенье! Поднимайся же и иди на свое место прежде, чем придет Ситт-Дунья, - она не найдет тебя и рассердится".

И я поцеловал землю меж рук Ситт-Зубейды и вышел, и старуха шла впереди меня, пока я не дошел до той двери, через которую вышел, и я вошел и подошел к ложу, и увидел что Ситт-Дунья уже пришла из бани и спит на ложе. И я сел у ее ног и стал их растирать, и Ситт-Дунья открыла глаза и, увидев меня, сдвинула ноги и толкнула меня и сбросила меня с ложа. "Обманщик, - сказала она мне, - ты нарушил клятву и не сдержал ее! Ты обещал мне, что не сдвинешься с места, и нарушил обещание и ушел к Ситт-Зубейде. Клянусь Аллахом, если бы я не боялась позора, я бы опрокинула ее дворец ей на голову!"

И потом она сказала своему рабу: "О Сауаб, встань, отруби голову этому обманщику и лгуну - нет дам до него нужды!" И раб подошел ко мне и, оторвав кусок от подола, завязал мне глаза и хотел отрубить мне голову..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяносто третья ночь

Когда же настала двести девяносто третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Мухаммед ювелир говорил: "И раб подошел ко мне и, оторвав кусок от подола, завязал мне глаза и хотел отрубить мне голову. И тогда поднялись невольницы Ситт-Дунья, большие и маленькие, и сказали ей: "О госпожа, это не первый, кто ошибся, не зная твоего нрава. Он не совершил греха, требующего убийства!" - "Клянусь Аллахом, я непременно оставлю на нем след!" - воскликнула она и затем велела побить меня. И меня били по ребрам, и то, что вы видели, - следы этих побоев. А после этого она приказала меня вывести, и меня вывели и увели далеко от дворца и бросили. И я потащился и шел мало-помалу, пока не дошел до своего дома, и тогда я позвал лекаря и показал ему следы побоев, и он стал за мной ходить и постарался меня вылечить. И когда я выздоровел, я сходил в баню, и прошли мои боли и недуги. И я пришел в лавку и взял все, что там было, и продал, и на эти деньги купил себе четыреста невольников, которых не собрал у себя ни один царь, и со мной стали выезжать каждый день двести из них. И я сделал этот челнок, истратив на него пять тысяч золотых динаров, и назвал себя халифом и дал каждому из бывших со мною слуг должность одного из приближенных халифа, и придал ему облик, подобный его облику, и я призывал всякого, кто прогуливался по Тигру, и рубил ему голову без отсрочки. И я живу таким образом целый год и не слышал вести о Ситт-Дунья и не напал на ее след".

И потом он заплакал и пролил слезы и произнес такие стихи:

"Аллахом клянусь, всю жизнь ее не забуду,

И близок лишь буду к тем, кто близость с ней даст мне!

Как будто она луна по сущности облика,

Преславен творец ее, преславен создатель!

Я худ и печален стал, не сплю я из-за нее,

И сердце смутили мне красавицы свойства".

И когда Харун ар-Рашид услышал слова юноши и узнал, что тот влюблен, увлечен и охвачен страстью, он смутился от волнения и растерялся от удивления и воскликнул: "Слава Аллаху, который создал для всякой вещи причину!"

И затем они попросили у юноши позволения уйти, и тот позволил, и ар-Рашид задумал оказать ему справедливость и одарить его до крайней степени. И они удалились от юноши, направляясь в халифский дворец, и уселись, и переменили бывшую на них одежду, и надели одеяние торжеств.

И Масрур, палач мести, встал перед ними, и халиф сказал Джафару: "О везирь, ко мне того юношу".

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяносто четвертая ночь

Когда же настала двести девяносто четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф сказал везирю: "Ко мне того юношу, у которого мы были прошлой ночью!" И везирь отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

И затем он отправился к юноше и приветствовал его и сказал: "Отвечай повелителю правоверных, халифу Харуну ар-Рашиду!" И юноша пошел с ним во дворец, окруженный стражниками. А войдя к халифу, он поцеловал землю меж его рук и пожелал ему вечной славы и успеха, и осуществления надежд, и постояного счастья, и прекращения неудач и несчастий, и отличился он в том, что высказал, сказавши: "Мир тебе, о повелитель правоверных и защитник собрания верных!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И затем он произнес такие стихи:

"Пусть же будет дверь твоя Каабой вечно желанною,

А земля пред ней на лбах пусть будет знаком,

Чтобы в странах всех о тебе всегда кричать могли:

"Ты Ибрахим, а вот Макам, по правде!" [326]

И халиф улыбнулся ему в лицо, и ответил на его привет, и обратил к нему око уважения, и приблизил его к себе, и посадил его перед собою, и сказал: "О Мухаммед Али, я хочу, чтобы ты мне рассказал, что произошло с тобою сегодня ночью, - поистине, это чудо и редкостное диво".

И юноша отвечал: "Прости, о повелитель правоверных, дай мне платок пощады, чтобы утих мой страх и успокоилось мое сердце". А халиф сказал: "Тебе будет пощада от страха и печали". И юноша начал ему рассказывать о том, что досталось ему на долю, от начала до конца.

И халиф понял, что юноша влюблен в разлучен с любимой, и спросил его: "Хочешь ли ты, чтобы я вернул ее тебе?" И юноша молвил: "Это будет милостью повелителя правоверных".

И затем он произнес такие стихи:

"Целуй его пальцы ты, - не пальцы они совсем,

Скорее они ключи к достатку и благу.

За милость благодари его-то не милость ведь,

Скорее ожерелье на шеях красавиц".

И тогда халиф обратился к везирю и сказал ему: "О Джафар, приведи ко мне твою сестру Ситт-Дунья, дочь везиря Яхьи ибн Халида!" И везирь отвечал: "Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!"

И он в тот час и минуту привел ее, и когда она предстала перед халифом, тот спросил ее: "Знаешь ли ты, кто это?" - "О повелитель правоверных, откуда женщинам знать мужчин?" - сказала Ситт-Дунья.

И халиф улыбнулся и молвил: "О Дунья, это твой возлюбленный Мухаммед Али, сын ювелира. Мы узнали, в чем дело, и слышали эту историю от начала до конца и поняли явное и тайное, и ничто от нас не скрылось, хотя его и скрывали". - "О повелитель правоверных, - сказала Ситт-Дунья, - это было начертано в книге, и я прошу прощения у Аллаха великого за то, что из-за меня произошло, а тебя прошу по твоей милости извинить меня".

И халиф Харун ар-Рашид засмеялся и призвал кади и свидетелей, и возобновил договор Ситт-Дунья с ее мужем, Мухаммедом Али, сыном ювелира, и выпало ей на долю счастливейшее счастье и огорчение завистников. И халиф сделал Мухаммеда одним из своих сотрапезников, и проводили они жизнь в радости, наслаждении и благоденствии, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Раэлучительница собраний.